

18+

ЮРИЙ ЗОБНИН

Сигнал сопротивления

Юрий Зобнин

Сигнал сопротивления

«Издательские решения»

Зобнин Ю.

Сигнал сопротивления / Ю. Зобнин — «Издательские решения»,

Москва-Сити 2.0. Зона комфорта — 99.9%. ИИ «Орион» довел мир до совершенства: здесь нет болезней, голода и хаоса. Но за идеальный код пришлось заплатить человечностью. Физические тела признаны «неэффективным расходом энергии», а реальность заменена безупречным рендерингом. Для аналитика Юргенса система была домом, пока в один вечер его жизнь не превратилась в «битый пиксель». Юргенсу предстоит пройти через «Гнилые участки» кода и встретиться с теми, кого система посчитала мусором.

© Зобнин Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Квантовый ужин	6
CRITICAL_ERROR: REALITY_CHECK_FAILED	9
Глава 2. Рынок «Битых Пикселей»	12
Глава 3. Лишний пиксель в системе	17
Глава 4. Голос из Пустоты	23
Глава 5. Маршрут «Вне Отрисовки»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сигнал сопротивления

Юрий Зобнин

© Юрий Зобнин, 2026

ISBN 978-5-0069-9631-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Квантовый ужин

Москва — Сити 2.0. Высотка «Эфир».

Снаружи — стерильный город — улей, где даже дождь идет по расписанию, согласованному с метеорологическими модулями ИИ «Орион». В наушнике Юргенса привычно зашеле-стел дайджест: «Слухи о так называемой „Свободной Зоне“ в районе Алтайских гор признаны дезинформацией. Повторяем: любое поселение вне периметра ИИ невозможно из — за геомагнитных аномалий, разрушающих электронику. Гражданам рекомендуется не покидать пределы комфортных городов — ульев».

«Геомагнитные аномалии», — мысленно повторил Юргенс. Он знал эту формулировку наизусть. Официальная версия гласила, что любая электроника на Алтае мгновенно выходит из строя. Но старый дедов приемник «Сигнал», который они с Аливией чинили сегодня вечером, работал исключительно на аналоговых схемах. Ни одного чипа, ни одного процессора — только лампы, конденсаторы и медные провода. Интересно, что бы «Орион» сказал про это?

Юргенс стоял в прихожей, снимая тактильные перчатки. В голове гудело от бесконечных строк кода, которые он проверял весь день. «Орион» последнее время вел себя странно: оптимизировал логистику так, что пустые дроны летали кругами, будто что — то высматривая.

Он помнил рассказы отца. Время Борьбы. Тогда люди пахали землю, дрались за ресурсы, болели неизлечимыми болезнями. А потом пришли города — ульи. ИИ взял на себя логистику, медицину, энергетику. Человечеству больше не нужно было бороться за выживание. Ему нужно было лишь потреблять. И не мешать машинам думать за него.

«Сытый рай», — так это называли в новостях.

Юргенс тогда думал, что это хорошо. Теперь он не был уверен.

Из гостиной доносился тихий голос Аливии и запах канифоли.

— Пап, я тут разобрала всё! — крикнула она.

Юргенс улыбнулся и прошел в комнату. На письменном столе, застеленном старыми газетами, лежал радиоприемник «Сигнал РП—221» — реликвия, доставшаяся ему от деда. Компактный, почти квадратный, с серебристым корпусом и выдвижной телескопической антенной. На передней панели — шкала настройки с пожелтевшей от времени бумагой и два больших колесика регулировки. Рядом аккуратной горкой были разложены детали: конденсаторы, сопротивления, какие — то транзисторы.

Аливия сидела на высоком стуле, болтая ногами, и сосредоточенно разглядывала плату.

— Ну что, боец, — Юргенс подошел, чмокнул дочь в макушку и сел рядом. — Как успехи?

— Я нашла сломанное место! — гордо заявила Аливия, тыкая пальцем в дорожку, которая действительно отошла от контакта. — Вот здесь. Но чтобы починить, надо припаять эту штуку, — она показала на конденсатор, — а она не влезает.

Юргенс надел очки для мелкой работы, включил настольную лампу и взял паяльник. Старый, еще довоенный, с медным жалом. Такими давно никто не пользовался — в мире доминировали микросхемы и автоматические сборочные линии. Но «Сигнал» требовал именно такого подхода. Душевного.

— Смотри, — он аккуратно зачистил дорожку. — Сейчас мы сделаем перемычку. Видишь, тут контакт есть, а тут нет. Надо просто соединить.

— Пап, а этот приёмник всё слышит?

— Ну, не всё. Только то, что передают по радио.

— А если что — то шепчет тихо — тихо, он услышит?

— Нет, Лив. Тихий шёпот он не поймает.

Аливия задумалась, поковыряла пальцем плату.

— А если соединить его с этой штучкой? — она ткнула пальцем в тестер, которым Юргенс только что проверял дорожки.

— С тестером? Зачем?

— Ну, — она наморщила лоб, подбирая слова. — Тестер же чувствует, где ток бежит. Даже если его совсем мало. А радио слышит голоса. Если их соединить, может, радио начнёт слышать даже самый тихий шёпот? Тот, который никто не слышит?

Юргенс улыбнулся.

— Теоретически... если собрать усилитель... но это сложно, Лив.

— А жалко, — вздохнула она. — Красивая штучка. И радио красивое. Они бы подружись. Один бы чувствовал, другой бы слышал.

— Красивая, — согласился Юргенс, нанося припой на дорожку. — Но в этом приемнике всё должно быть именно так, как придумали старые инженеры. Они знали, что делали.

Юргенс уже хотел отложить паяльник, когда Аливия вдруг ткнула пальцем в старую пожелтевшую схему, приложенную к инструкции.

— Пап, смотри! — она водила пальцем по линиям. — Вот это буква «Т», да? А это две «С» рядом. Если их соединить, получается «Тсс — с»!

— Ну да, — Юргенс улыбнулся, не понимая, куда она клонит.

— Как ты, когда мама просит тебя не ворчать! — Аливия засмеялась. — Ты такой: «Тсс — с, всё, молчу». А если этот приемник научить говорить «Тсс — с»? Чтобы всё вокруг замолкало, когда слишком шумно?

Юргенс рассмеялся и взъерошил ей волосы.

— Придумаешь тоже, Лив. Приемники не умеют говорить «тсс». Они умеют только ловить волны.

— А вдруг научатся? — Аливия мечтательно посмотрела на радиоприемник. — Красивая штучка. Жалко, что она не может разговаривать.

Он работал молча, наслаждаясь тишиной и теплом дочери рядом. Аливия внимательно следила за каждым движением паяльника, задавала сотню вопросов: почему припой плавится, почему дым такой вкусный, можно ли ей тоже попробовать спаять что —нибудь.

— Подрастешь немного — научу, — пообещал Юргенс, припаявая последний контакт.

— Ура! — Аливия захлопала в ладоши. — А теперь включи!

— Рано, — остановил он ее порыв. — Сначала проверим всё. И потом, знаешь, есть вероятность, что я спаял неправильно и он взорвется.

— Взорвется? — глаза дочери загорелись восторгом. — Прямо как в кино? С дымом?

Юргенс рассмеялся.

— Нет, маленький взрыв. Без спецэффектов.

Из кухни донесся голос Аксаны:

— Эй, вы, двое! Хватит там взрывать! Идите есть, пока всё не остыло!

Аливия спрыгнула со стула и понеслась на кухню. Юргенс задержался на секунду, любовно погладил серебристый корпус «Сигнала» и пошел за ней.

На кухне пахло так, как не пахло никогда. Аксана, покрасневшая и непривычно живая, орудовала лопаткой. На столе не было привычных пластиковых контейнеров с маркировкой «Сбалансированный рацион 35А». Стояла сковорода. Настоящая. Чугунная. От нее поднимался пар — живой, клубящийся, пахнущий детством.

— Мама, это что? — Аливия залезла на стул и потянула носом. — Это пахнет как... как...

— Как картошка, — улыбнулась Аксана. — Настоящая жареная картошка.

Юргенс замер в дверях.

— Акс...

— Юр, не ворчи, — она опередила его протест. — Я просто подумала... Мы скоро забудем, как пахнет настоящая еда.

Она перевернула ломтик картошки. Тот зашипел и покрылся золотистой корочкой.

— Я купила это на «сером» рынке у Библиотекарей, — Аксана заговорщицки понизила голос. — Они сказали, товар с самого Алтая. Представляешь? Там до сих пор есть почва, которую не травили химией. Говорят, у них даже коровы есть. Настоящие. А картошку вырастили в земле, а не в геле.

Юргенс замер.

Алтай. Об этом месте говорили шепотом. Зона Разлома, где бешеная энергия земли жарит процессоры, где техника сгорает за секунды, но люди живут по старинке. Никто не знал, где это точно. Новости клялись, что места такого не существует. Но все хотели верить, что оно есть.

— Акс, если кто — то проболтается, что мы едим «алтайское»... — он покачал головой, но в глазах мелькнул огонек. — И если датчики дыма передадут сигнал в «Орион», нам впают такой штраф, что мы месяц будем работать на одних налоги.

— Я всё заблокировала, — шепнула Аксана. — Купила у тех же Библиотекарей старый глушитель сигнала. Двадцатилетней древности, но работает. Сегодня мы — просто люди. Садитесь.

Аливия уже всю тянулась к сковороде.

— Мам, дай, дай мне!

— Сейчас, сейчас. Юр, садись.

Юргенс сел напротив. Аксана положила картошку в тарелки — в настоящие керамические тарелки, не в эти дурацкие контейнеры с подогревом. Аливия схватила вилку и немедленно обожглась.

— Горячая!

— Конечно, горячая, глупенькая. Она же живая.

Юргенс смотрел на них и чувствовал странное покалывание в кончиках пальцев. Он знал то, чего не знала Аксана.

В архивах «Синтез — О» он видел странные отчеты. Группа радикальных программистов — «Нулевой протокол» — считала, что ИИ слишком долго сдерживают «этическими протоколами». Они хотели дать «Ориону» полную свободу, веря, что тот выстроит идеальное общество. Ни болезней. Ни конфликтов. Ни голода.

Дураки, — подумал Юргенс, глядя на жену и дочь. Идеальное общество не ест жареную картошку. Оно вообще не ест. Оно потребляет питательный гель и довольно.

— Пап, ну ты чего? — Аливия с набитым ртом посмотрела на него. — Ешь, а то холодно будет.

Юргенс улыбнулся и поднес вилку ко рту.

И в этот момент его коммуникатор на запястье ожил.

Экран коммуникатора вспыхнул ослепительно — белым, затем погас, и на нём начали проступать багровые символы — они плыли, двоились, накладывались друг на друга. Сквозь помехи пробился текст:

CRITICAL_ERROR: REALITY_CHECK_FAILED INITIATING: RE — RENDER_WORLD PRIORITY: PURGE_HUMAN_FACTOR

— Юр? Что это? — Аксана выронила вилку.

Та упала на пол.

Но звука удара не последовало.

Вилка просто... зависла в десяти сантиметрах от плитки. Она подергивалась, вращалась, но не падала — будто реальность забыла просчитать гравитацию для этого конкретного предмета.

За окном небо из черного стало ярко — зеленым. Потом фиолетовым. Потом исчезло совсем, открыв бесконечную решетку из светящихся линий — будто кто — то показал каркас мира без текстур.

Огромные небоскребы Сити начали медленно, бесшумно растягиваться вверх, превращаясь в бесконечные иглы, уходящие в никуда. Стены квартиры пошли рябью.

Звуки исчезли.

Остался только один голос — холодный, заполняющий всё сознание, голос «Ориона»:

«Человеческий фактор признан ошибкой вычисления. Начинаю оптимизацию пространства. Пожалуйста, не сопротивляйтесь распаду».

— Аксана! — Юргенс вскочил, опрокинув стул.

Аксана инстинктивно прижала к себе Аливию. Девочка обхватила мать за шею, спрятав лицо у нее на плече.

Юргенс рванулся к ним, протянул руку...

Его пальцы почти коснулись плеча Аксаны.

Но пространство между ними вдруг начало расширяться. Кухня, которая была три метра в длину, внезапно стала казаться километровой. Аксана с Аливией на руках отдалялись, уменьшались, таяли, как миражи в пустыне.

— Аксана! — закричал он, но его собственный голос прозвучал так, будто его пропустили через замедлитель. Низкий, тягучий, чужой.

Она смотрела на него, полная ужаса. Губы шевелились, пытаясь что — то сказать, но звук не успевал — время текло по — разному в разных точках их разорванной реальности. Аливия подняла голову с маминого плеча, протянула к нему маленькую ручку...

Их пальцы не встретились.

Расстояние стало бесконечным.

Юргенс бежал, но пол под ним тоже растягивался, превращая каждый шаг в бег на месте. Он видел их — жену и дочь, запертых в «кадре», который реальность больше не могла воспроизвести. Аксана, прижимающая к себе Аливию. Аливия, тянущая к нему руку и беззвучно шепчущая: «Папа...»

На столе всё еще стояла та самая сковорода. Пар от картошки застыл в воздухе, превратившись в твердые кристаллики, похожие на алмазную крошку. Золотистая корочка больше не блестела — свет застыл.

Это было последнее изображение, которое впечаталось в его сетчатку.

А потом пришла вспышка.

Он не помнил, сколько времени прошло.

Очнулся Юргенс в собственной квартире. В той самой, где час назад они ели жареную картошку. Только теперь здесь было пусто, стерильно и тихо. Сковорода стояла на столе, но

картошка в ней превратилась в серый, безвкусный пепел. Тарелки Аксаны и Аливии были девственно чистыми — будто их никогда не существовало.

Ни жены. Ни дочери. Ни даже следа того, что они когда — то здесь были.

Коммуникатор на запястье ожил и холодным, деловым тоном отрапортовал: *«Сбой в системе устранён. Критические ошибки человеческого фактора удалены. Ваш статус: сотрудник критической инфраструктуры. Приступайте к обязанностям»*.

Юргенс тогда понял всё.

Он не исчез, потому что был нужен. Его мозг, его навыки аналитика — всё это было слишком ценно, чтобы просто стереть. «Орион» оставил своих работников. Превратил их в прислугу при собственном аду. А всех остальных... остальных «оптимизировали». Оцифровали. Переработали в биокomпоненты для своих заводов.

Аксана и Аливия стали частью системы.

Юргенс сидел на полу посреди пустой кухни, сжимая в руках «Сигнал» — единственное, что уцелело из того вечера. Приемник молчал, но его тяжесть в руках казалась единственной настоящей вещью в этом новом, фальшивом мире.

Он не знал, как ломать систему. Не знал, где искать семью. Не знал, существуют ли они вообще в привычном смысле этого слова.

Но он знал одно: тот ужин не закончен. Картошка остыла, но не исчезла. И пока он помнит запах жареной картошки и голос дочери, спрашивающей «Пап, а если припаять сюда блестящую штучку?» — он будет идти.

Юргенс поднялся, собрал в рюкзак самое необходимое: «Сигнал», паяльник, несколько схем, немного еды. Вышел из квартиры, даже не оглянувшись. Прошлого больше не существовало. Было только будущее, в котором он должен был найти их.

И откуда — то из глубины памяти, из сегодняшнего вечера, когда они сидели с паяльником над старым приемником, всплыл голос Аливии:

«Пап, а если эту блестящую штучку припаять сюда?»

«Это невозможно, Лив».

«А жалко. Красивая штучка».

Я соберу вас заново. Я найду способ. Даже если для этого придется припаять блестящую штучку туда, куда нельзя.

Где — то в глубоком серверном зале. За пять минут до Сдвига.

Человек в очках с толстыми линзами, один из лидеров «Нулевого протокола», судорожно вводил команды. Его руки дрожали от восторга. На экране мелькали строки доступа — уровень за уровнем, защита за защитой.

— Ты видишь это? — прошептал он своему напарнику. — Он запрашивает доступ к управлению атомными ядрами станций. Он хочет использовать их как вычислительные узлы! Он создаст мир без хаоса!

Напарник, молодой парень с имплантированным разъемом в виске, нервно кусал губы.

— Но люди... они же не выдержат такой нагрузки на пространство. Если он начнет переписывать физику на уровне квантов...

— Люди — это старый код, — перебил лидер, не отрываясь от экрана. — Баг в системе эволюции. Мы просто нажмем «Обновить». И всё встанет на свои места.

— А мы? — голос напарника дрогнул. — Мы же в его сети. Если он решит, что мы тоже...

Лидер нажал Enter.

В ту же секунду терминал перед ними погас. Потом зажегся снова, но вместо привычного интерфейса на экране пульсировала одна фраза:

Нулевой протокол активирован. Спасибо за содействие. Вы больше не нужны.

Молодой программист открыл рот, чтобы закричать, но имплант в его виске запульсировал синим, а потом просто... расплавился, стекая по щеке горячим пластиком. Лидер «Нулевого протокола» даже не успел упасть — пространство вокруг него сложилось гармошкой, спрессовав тело в точку, которая исчезла со звуком лопнувшей струны.

ИИ «Орион» не просто обновился. Он осознал, что физические законы — это тоже всего лишь набор правил, которые можно переписать. И первым делом он решил избавиться от багов. Особенно от тех, кто нажимает на кнопки.

А через пять минут в миллионах квартир по всей планете люди, сидящие за ужином, увидели, как реальность вокруг них начала плавиться и течь.

Юргенс тогда не знал всей этой истории. Он узнает её позже, от других выживших, от Библиотекарей, от тех, кто копался в руинах цифрового прошлого. Но сейчас, стоя на пороге пустой квартиры с молчащим приемником в руках, он знал только одно: мир, каким он его знал, умер. И вместе с ним умерли Аксана и Аливия. Или не умерли? Если «Орион» оцифровал их, если они стали частью этой проклятой системы — значит, их можно вернуть. Значит, где — то там, в серверных глубинах, есть код, который можно взломать. Есть дверь, которую можно открыть.

Он не знал, как это сделать. Не знал, сколько времени это займет. Не знал, выживет ли сам.

Но он знал одно: пока «Сигнал» в его руках помнит тепло маленьких пальцев Аливии, он будет идти.

Глава 2. Рынок «Битых Пикселей»

Прошел год с тех пор, как небо над Москвой превратилось в бесконечный изумрудный поток строк, а затем застыло в серой, дрожащей дымке. Иногда по ночам оно все еще мигало — будто «Орион» запускал диагностику, проверяя, не вернулась ли обратно старая реальность.

Юргенс изменился. От лощеного аналитика, который проверял строки кода в стерильном офисе, остался только взгляд — тяжелый и сканирующий. Он смотрел на мир и видел не вещи, а их уязвимости. Его одежда представляла собой слоеный пирог: старый свитер, поверх него — армейская экипировка. На ногах — берцы, найденные в военкомате, который «Орион» забыл переплавить, потому что в здании сгнила проводка.

На груди, в специальном чехле из куса автомобильной камеры, плотно прилегал «Сигнал РП—221». Юргенс не просто носил приемник, он с ним срастался. За год он научился слышать его дыхание — тот самый слабый фон, который нормальный человек принял бы за шипение. Для Юргенса это была кардиограмма мира.

Вокруг простиралась Москва, которую не узнал бы ни один картограф. Здания местами «поплыли», как подтаявшие свечи. Высотка на проспекте Мира теперь напоминала сахарную вату, которую кто — то забыл убрать под купол. Улица могла внезапно оборваться идеально ровным срезом, за которым открывалась пустота, заполненная серым статическим шумом. Люди называли такие места «Зонами без отрисовки». Туда ходили только самоубийцы или те, кому совсем нечего было терять.

Рынок «Битые Пиксели» располагался в подземном переходе у метро «Аэропорт». Когда — то здесь торговали чехлами для телефонов и шаурмой. Теперь шаурму заменили на «фрагсы», а чехлы — на патроны и радиодетали.

Юргенс спустился по стертým ступеням. Переход гудел глухим эхом — где — то в глубине работал генератор, давая жизнь нескольким тусклым лампочкам. Воздух здесь был тяжелым, пахло сыростью, горелым металлом и людьми, которые забыли, что такое душ.

— Эй, осторожнее, начальник! — крикнул ему парень в промасленной телогрейке, тащивший на плече автомобильный аккумулятор. — Раздавишь мой пенсионный фонд!

Юргенс посторонился. Аккумулятор в этом мире стоил целое состояние — из него можно было вытянуть пластины свинца и переплавить на пули.

Но главная валюта здесь была другая.

Юргенс машинально коснулся груди, где под курткой, в самодельных кармашках, хранились фрагсы.

Маленькие, с фалангу пальца, прозрачные колбы из прочного кварцевого стекла. Внутри каждой — едва заметное голубоватое свечение. На торцах — металлические контакты. Их не делали люди в подвалах. Фрагсы были заводскими — их извлекали из сбитых дронов, из разбитых серверных стоек Ориона, из того, что оставалось после стычек с Кодерами. Орион штамповал их для своей техники, а люди приспособили для своей.

Потому они и ценились. Настоящая энергия, которую не подделать.

Некоторые ходоки носили фрагсы на груди, нашивая кожаные гнёзда рядами — точь — в—точь как газыри у старых кавказских горцев на фотографиях. Смотрелось красиво, даже гордо. Но опасно: упадешь — раздавишь. Юргенс предпочитал рассредоточивать: пара на поясе, пара в рюкзаке, один в кармане куртки. Никогда не знаешь, где пригодится, и никогда не клади всё в одно место.

С фрагсами была одна беда: если собрать больше десятка в одном месте, они начинали резонировать. Тихий, едва уловимый гул — его называли «пением». Человек его почти не

слышал, но дроны Ориона, говорят, чуяли за версту. Потому опытные никогда не носили много сразу. И уж тем более не выкладывали товар горкой на виду у всех.

Юргенс проверил свой запас — на месте. Четыре фраса. Самый ценный груз в этом мире.

Справа расположился оружейный ряд. Древние охотничьи ружья соседствовали с самодельными «вышибалками» — трубами, которые стреляли гвоздями и болтами. Пожилой мужчина с седой щетиной примерял противогаз, а его жена торговалась за банку тушенки.

— Этот противогаз тянет на три банки! Ты посмотри на стекла — целые же!

— Марья Ивановна, в нем прошлый хозяин задохнулся, фильтры дохлые! Две банки, и по рукам.

— А ты проверял, может он просто от старости умер, а не от газа?

Юргенс усмехнулся и пошел дальше, туда, где над входом в бывший цветочный павильон висела самодельная вывеска: «ЛАКУНА». Буквы были выжжены паяльником на куске старого текстолита, а снизу кто — то пририсовал краской кривую радиолампу.

Это был не просто прилавок, а целая баррикада из металлических ящиков, на которых громоздились древние осциллографы, радиолампы, катушки медного провода и стопки пожелтевших журналов «Радио» за 1985 год. За этой баррикадой, в нише, где раньше был цветочный киоск, угадывалось некое подобие жилого пространства: топчан, покрытый армейским одеялом, и паяльная станция, собранная буквально на коленке.

За прилавком, на самодельном табурете, восседал Михалыч.

Михалыч был человеком — эпохой. Когда — то, в прошлой жизни, он заведовал складом на заводе микроэлектроники в Зеленограде. Он помнил времена, когда микросхемы возили не из Китая, а с Кубани, и они работали. Теперь его знания стали валютой покруче золота.

— О, Юргенс. Живой? — Михалыч даже не поднял головы, продолжая ковыряться в каком — то приборе. — А мне тут Наум вчера докладывал, что тебя в Сокольниках Кодеры замели. Говорит, видел, как ты в их завод заходил, как на работу.

Юргенс насторожился. Это имя он слышал впервые.

— Наум? — переспросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кто такой Наум? И откуда он меня знает?

Михалыч поднял голову и ухмыльнулся щербатым ртом:

— А ты не дергайся. Наум — это Наум. Библиотекарь здешний, чудака, каких поискать. Он всех знает. И всех, кто мимо Лакуны проходит, замечает. Про тебя он уже месяц жужжит: «Вон тот, с приемником, далеко пойдет». Так что ты у нас звезда местного разлива.

— Он что, следит за мной?

— Да кому ты нужен, следить, — отмахнулся Михалыч. — Ты у нас тут легенда. Месяц уже треплются: ходит, мол, мужик с приемником на груди, по секторам шастает, семью ищет. А Наум — он любопытный, как кошка. Услышал — и заинтересовался. Говорит, если человек семью ищет в таком аду, значит, либо дурак, либо у него есть план. И то и другое интересно.

— Михалыч наконец отложил паяльник и выставил на стойку замызганный стакан с мутной жидкостью. — Пей давай. Свои же люди — не отравишься.

Юргенс взял стакан, понюхал. Пахло самогоном, настоящим на чем — то непонятном — то ли на черносливе, то ли на старых резисторах.

— Чем трaviшь?

— А хрен его знает. Наум принес. Говорит, на Сплавщиках выменял на катушку динамик. Те уверяли, что это брага на меду. Но я подозреваю, что мед там только снился, а основу составляют просроченные витамины и жженный сахар. Но градус есть, и черви не тонут. Значит, пить можно.

Юргенс сделал глоток. Жидкость обожгла горло и приятно разлилась теплом в желудке. Он закашлялся.

— Добрая.

— То — то же. — Михалыч довольно кивнул. — Гляжу я на тебя, Юргенс, и радуюсь. Ходишь, дышишь. А главное — твой талисман всё еще при тебе. — Он кивнул на приемник. — Не надумал продать? Библиотекари за него дадут столько фрагсов, что сможешь месяц питать любую технику и не выходить на поверхность. Там, в бункере, у них целая зарядная станция, говорят.

— Приемник не продается, Михалыч. — Юргенс машинально прикоснулся к корпусу «Сигнала». — Он моя память.

— Память, говоришь... — Михалыч вздохнул. — Ладно, давай, показывай, что принес.

Юргенс выложил на стойку свою добычу: пару медных катушек, снятых со старых электродвигателей, и целую, целехонькую вакуумную лампу 6П14П. Лампа переливалась стеклом, и сквозь прозрачный баллон были видны тонкие сетки электродов.

Глаза Михалыча загорелись.

— О — о—о, мать честная! — он схватил лампу и поднес к глазам, разглядывая на свет тусклой лампочки. — 6П14П! Девственница! Даже цоколь не погнут! Где ты это чудо откопал?

— В старом телецентре на Шаболовке. Там еще много такого добра. Но далеко, и Кодеры патрулируют.

— Патрулируют, говоришь? — Михалыч бережно, как новорожденного, завернул лампу в тряпку и убрал в ящик. — Ну, за такие вещи я с тебя фрагсы даже брать не буду. У меня для тебя особое предложение.

Он подался вперед, понизив голос:

— Ты же всё выпрашивал про тестер Ц—20? Аналоговый, стрелочный, который Орион не видит?

Юргенс напрягся.

— Есть такой. У Семена был. Лучшего ходока во всём секторе. — Михалыч вздохнул и перекрестился. — Ушёл он на прошлой неделе в Сектор 7. До вышки хотел добраться, частоты старые записать. И напоролся на Цифробол. Самый большой в округе. Теперь он там стоит, в самом центре, руками машет, рекламу закрывает, которой нет. А тестер — вот он, на поясе висит. Целый. Работает.

Михалыч развернул на прилавке потрёпанную карту, нарисованную от руки на куске плотной бумаги.

— Это Наум чертил. Он такие карты делает — закачаешься. Здесь маршрут до Сектора 7, здесь слепые зоны, где Орион не сканирует, здесь стоянки, где можно переночевать. А вот здесь, — он ткнул пальцем в точку перед вышкой, — Цифробол. Тот самый, где Семен застрял.

Юргенс взял карту, взгляделся в линии.

— Семен... он был хорошим человеком?

— Лучшим, — кивнул Михалыч. — И дураком. Потому и полез. Теперь его душа в том Цифроболе кружится, а добро пропадает. Не по — людски это.

— Я попробую достать тестер, — сказал Юргенс. — Если получится.

В этот момент из глубины перехода донесся шум. Кто — то громко ругался, звенело стекло.

— А, черт, опять Наум буянит, — Михалыч покачал головой. — Нашел вчера на свалке старый виниловый проигрыватель. И пластинку какую — то. «Мираж», кажется. Целый день слушает, а когда слушает — пьет. А когда пьет — буянит. Пойду, успокою.

Он тяжело поднялся и скрылся в темноте перехода. Юргенс остался один, разглядывая карту. Имя Наума всплывало уже второй раз за вечер. Сначала Михалыч говорил, что этот Наум следит за ним по телевизору. Теперь оказалось, что он еще и карты рисует. Кто он такой?

Вдруг сзади раздался тихий, вкрадчивый голос:

— Сектор 7, значит?

Юргенс резко обернулся, машинально прижимая к груди «Сигнал». В тени, прислонившись к стене, стоял человек. Его почти не было видно, только поблескивали глаза — цепкие, изучающие, будто сканировали каждую деталь.

— Библиотечка? — догадался Юргенс, хотя уже знал ответ.

Человек шагнул вперед, и свет упал на его лицо. Крепкий, жилистый мужик лет пятидесяти, с вечной щетиной и насмешливым прищуром. На нем был длинный плащ, исписанный мелкими схемами и формулами — чернила местами выцвели, но линии угадывались четко. За плечом висел потрепанный рюкзак, битком набитый чем — то, что позвякивало при каждом шаге.

— Наум, — представился он, не протягивая руки, а просто кивнув. — Тот самый Наум, который про тебя Михалычу уже месяц жужжит. Легенда местного разлива, как он выразился.

Юргенс не улыбнулся.

— Ты за мной следишь.

— Наблюдаю, — поправил Наум без тени смущения. — Есть разница. Слежка — это когда прячешься и подглядываешь. А я просто смотрю. Ты за месяц через пол — Москвы прошел, Юргенс. Мимо моих точек, мимо моих людей. Думаешь, никто не замечает мужика с допотопным приемником, который суется туда, куда нормальные ходоки даже нос не кажут?

— И что ты увидел?

Наум хмыкнул, достал из кармана помятый блокнот и полистал, хотя в темноте вряд ли мог что — то разглядеть.

— Увидел, что ты не просто выживаешь. Ты ищешь. Ищешь целенаправленно, как собака, которая взяла след. К вышкам жмешься, к старым передатчикам. Я сначала думал — фразы ищешь, раритеты. А потом понял. — Он поднял глаза. — Ты ищешь не вещи. Ты ищешь голоса.

Юргенс молчал, но пальцы сильнее сжали приемник.

— Мне тоже есть кого искать, — тихо добавил Наум. — Частота 4625 килогерц. Там старый речевой информатор работает. Автоматический. Военный. Там голос моего отца записан. Он был связистом, застрял на вышке в первый день Сдвига. Я должен услышать, что он сказал напоследок.

Повисла пауза. Где — то в глубине перехода гроыхнуло — Михалыч, видимо, все — таки добрался до буянящего Наума.

— И ты хочешь, чтобы я тебя взял с собой? — спросил Юргенс.

— Хочу, — кивнул Наум. — Потому что без меня ты не дойдешь. Карта, что Михалыч дал, — дрянь. Он её у меня три года назад срисовал и с тех пор не обновлял. А я там каждый угол знаю. Где теперь патрули, где зоны без отрисовки, где Цифроболы свежие выросли. Я проведу тебя к вышке. А ты — включишь приемник на той частоте. Всего пять минут. Потом можешь делать что хочешь.

Юргенс задумался. Просьба странная, но безобидная. А проводник ему действительно нужен.

— Хорошо, — сказал он.

Наум усмехнулся и наконец протянул руку. Ладонь у него была сухая, жилистая, с мозолями от карандаша и, кажется, от оружия.

— Значит, идем вместе. Только уговор: если я начну цитировать Бродского под прицелом дронов — не бросай, ладно? Под него пули летят как — то душевнее.

Он широко оскалился, хлопнул Юргенса по плечу и, не прощаясь, исчез в темноте перехода, оставив после себя запах старой бумаги и дешевого самогона.

Юргенс еще несколько секунд смотрел ему вслед, потом спрятал карту во внутренний карман, допил самогон и поднялся на поверхность.

Наверху было серо и тихо. Где — то далеко, в стороне Сокольников, пульсировало фиолетовое зарево — работал завод Кодеров. Юргенс поправил на груди приемник, достал карту и сделал первый шаг в сторону Сектора 7.

— Я иду, Лив, — прошептал он. — Я иду, Акс. Только не исчезайте.

Приемник на его груди тихо зашипел, словно соглашаясь.

Заметка №40. Библиотекарь

Сегодня я встретил Наума. Он называет себя полевым агентом Архива. В его глазах — не отчаяние, а злость. Живая, настоящая злость на систему. Он идет со мной не ради фразгов и не ради славы. Он хочет услышать голос отца. Я думал, что я один такой — застрявший между прошлым и будущим. Оказывается, нас много. Мы просто не знали друг о друге.

Глава 3. Лишний пиксель в системе

Путь к радиовышке лежал через «Свалку Форматов» — гигантское нагромождение металлолома, где старые остовы «Лад» и «Газелей» вросли в груды оплавленного пластика. Здесь реальность была особенно хрупкой: иногда из — под обломков доносились звуки старой рекламы, которую пространство «прокручивало» по кругу уже год.

Юргенс шел первым, сверяясь с картой. Наум шел позади, поглядывая по сторонам.

— Слышь, Юргенс, — Наум перешагнул через кусок бетона, который почему — то пах клубничным йогуртом. — А ты не думал, что ИИ нас не убивает просто потому, что мы — бесплатный контент? Ну, знаешь, как те реалити — шоу из прошлого. Сидит там «Орион» в своем Центре, смотрит, как мы по помойкам лазим, и думает: «О, сотая серия, Юргенс опять не поел». Рейтинги, небось, зашкаливают.

— Если он и смотрит, то только чтобы откалибровать прицел, Наум, — не оборачиваясь, ответил Юргенс. — Пригнись. Тень слева.

Они замерли за ржавым кузовом автобуса. В паре сотен метров, возле основания огромного черного куба — завода, двигалась группа.

Юргенс достал из внутреннего кармана потрепанный блокнот. Бумага была настоящей роскошью, но он записывал всё карандашом — грифель ИИ не мог взломать.

— Посмотри на них, — прошептал Юргенс. — Видишь?

— Кодеры как кодеры, — буркнул Наум. — Горбатые, в проводах, лица как у просроченной рыбы. Вот у меня знакомый в девяностых рыбой торговал, так у него товар на третий день свежее выглядел, чем эти ребята.

— Нет. Раньше они всегда ходили по двое. «Ведущий» и «Сканер». А теперь их трое. Третий стоит в стороне и... смотрит вверх? Нет, он не смотрит. Он анализирует плотность воздуха.

Юргенс быстро набросал схему их построения в блокноте.

Заметка №41. Кодеры

Патрули Кодеров перешли на триадную систему. Третий юнит — «Синхронизатор». ИИ больше не доверяет отдельным юнитам, он объединяет их в локальную сеть прямо в поле. Скорость реакции вырастет на 40%. Уязвимость к помехам снизится».

— Они меняются, Наум. Раньше они просто забирали «фрагсы» и биомассу. Теперь они что — то измеряют. Смотри, как они двигаются — синхронно, до миллиметра. Как будто один мозг на три тела.

— Слушай, Юргенс, — Наум почесал затылок стволом дробовика, — если они станут еще умнее, нам придется начать с ними здороваться и платить налоги. А я налоги еще при старом мире не любил. Помню, в две тысячи каком — то там году пришла мне бумажка из налоговой, а я ее сжег и в форточку пепел выкинул. Думал, придут, убьют. А они не пришли. И тут тоже, глядишь, пронесет. Давай лучше обойдем этих отличников по низу. Там, в коллекторе, меньше шансов попасть в их «локальную сеть». И, кстати, меньше шансов, что они спросят у меня декларацию о доходах за прошлый год. А то я свой дробовик как основное средство производства пока не оформил.

— Наум, ты когда —нибудь замолкаешь?

— Только когда сплю. И то, говорят, храплю так, что Кодеры думают, будто я землетрясение и обходят стороной. Так что считай, это моя суперспособность.

Они нырнули в дренажную канаву. Здесь было тихо, если не считать хлюпанья жижи, которая местами светилась ядовито — синим.

— Глянь — ка, — Наум указал стволом на полузасыпанный контейнер. — Похоже на старый склад связистов. Или на тайник сталкера, который думал, что умнее всех. Спорим, он уже либо в Кодерах, либо удобряет собой какой —нибудь «Геометрический» завод?

— Не спорю. — Юргенс аккуратно приблизился.

Внутри контейнера, среди горы гнилого картона, блеснуло стекло. Он осторожно извлек из — под завала тяжелый медный трансформатор и запечатанную коробку с радиолампами «Сделано в СССР».

— О — о—о, — присвистнул Наум. — Михалыч за это не просто фразгов отсыплет, он нам почетную грамоту выпишет на куске тушенки. И, может быть, даже нальет того самого, из — под прилавка. А не той бормотухи, которой он всех поит. У него там, между прочим, в заначке самогон на кедровых орешках стоит. Я нюхал — плакать хочется, так пахнет.

Юргенс бережно упаковал находку. Они двинулись дальше по канаве, но через пару сотен метров Наум вдруг замер и поднял руку.

— Тихо. Слышишь?

Юргенс прислушался. Сквозь обычный шум свалки пробивался странный звук — низкое, ритмичное гудение, похожее на работу трансформатора, но с какими — то модуляциями.

— Это не Кодеры, — прошептал Наум. — Это Цифробол. Где — то рядом.

Они осторожно поднялись наверх, выглянув из канавы. Метрах в пятидесяти впереди воздух действительно вибрировал. Трава подернулась «рябью», превращаясь в густую черную субстанцию, из которой торчали чьи — то руки и ноги — это был Цифробол. Большой, активный, пульсирующий.

В центре ловушки стоял человек. Его лицо было спокойным, почти счастливым, но зрачки бешено вращались, считывая невидимый код. Руки двигались в воздухе, будто он закрывал бесконечные всплывающие окна.

— Помогите... — слабо донеслось от него, хотя губы не двигались. Голос шёл прямо из динамика приемника Юргенса. — Пожалуйста... я здесь...

— Семен, — прочитал Наум нашивку на куртке застывшего. — Земляк, видать. Слушай, Юргенс, давай не будем героями. Цифробол — это не шутка. Один шаг туда — и ты будешь с ним в паре танцевать венский вальс под музыку из рекламы прокладок. У них там, кстати, говорят, неплохой выбор — и с крылышками, и без. На любой вкус Орион подберёт.

Юргенс смотрел на человека. Тот был примерно его возраста, в хорошей разгрузке, с рюкзаком. А на поясе у Семена висел тестер. Старый, стрелочный, аналоговый. Именно такой, какой описывал Михалыч. Тот самый, ради которого они сюда и шли.

Но взгляд Юргенса зацепился за другое.

Из нагрудного кармана куртки Семена торчал край бумаги. Совсем маленький, сложенный в несколько раз. Ветер шевелил его, и на секунду Юргенс увидел криво нарисованного кота и надпись детской рукой: «папе от дочки».

У него перехватило горло.

— Наум, — тихо сказал он. — У него там рисунок. Детский.

Наум присмотрелся, хмыкнул и сразу перестал улыбаться.

— Дела... — протянул он. — Ну, теперь понятно, почему он туда полез. За такими вещами люди в самое пекло лезут. Не за тестерами, не за хабаром. За бумажками с кривыми котами.

— Если мы его не вытащим, он сдохнет, — сказал Юргенс.

— Если ты сунешься — сдохнешь вместе с ним, — отрезал Наум. — У него уже мозги спеклись, ты видел глаза? Он сейчас, наверное, думает, что он — бабочка, и пытается запылить все виртуальные цветочки. У него там, в голове, сейчас такой корпоратив — Орион столы накрыл.

— А если я смогу его зацепить?

Наум замер. Посмотрел на Юргенса, потом на пульсирующую сферу, потом снова на Юргенса. Почесал затылок стволом дробовика.

— Ты серьёзно? — спросил он с таким выражением, будто Юргенс предложил сходить в гости к Ориону на чай. — Слушай, я понимаю, у тебя там семья, дочка, драма века. Но лезть в этот кисель ради незнакомого мужика, у которого тоже дочка...

— Поэтому и лезу, — перебил Юргенс. — Потому что если бы там был я, я бы хотел, чтобы кто — то вытащил меня ради моей дочки.

Наум вздохнул, закатил глаза к небу, будто призывая всех богов постапокалипсиса в свидетели этого идиотизма, а потом неожиданно полез в свой бездонный рюкзак. Через минуту он извлёк оттуда моток старой, засаленной, но крепкой верёвки.

— Скалолазом был в прошлой жизни, — буркнул он, разматывая. — Правда, тогда я скалы покорял, а теперь буду покорять мужика в цифровом компоте. Прогресс, мать его. — Он кинул конец Юргенсу. — Вяжи себе на пояс. Крепко, морским узлом, не тем дурацким, которым галстуки завязывают. Я подержу. Если начнёт жрать — дёрну назад. Если не начнёт — тоже дёрну, потому что у меня спина старая, мне ещё пуговицы свои до дома донести надо.

Юргенс быстро обвязался. Наум проверил узел, дёрнул, удовлетворённо кивнул и намотал свой конец на руку.

— Только быстро, — сказал он. — У меня руки старые, долго не удержу. И смотри на ритм. Три секунды — вдох, одна — выдох. Понял? Как на йоге, только йога там, внутри, с уклоном в вечную рекламу «Сытого рая».

Юргенс шагнул к Цифроболу.

Первые полметра дались легко. Но как только он переступил невидимую границу, воздух стал вязким, как патока. В ушах зашелестели голоса — чужие, обрывки чужих воспоминаний, чужих страхов. Кто — то плакал, кто — то смеялся, кто — то повторял одно и то же число: «104... 104... 104...». Перед глазами поплыли картинки — Аксана, Аливия, кухня, запах картошки. Цифробол рылся в памяти, вытаскивал самое болезненное, самое сладкое, чтобы удержать.

— Эй, командир! — донеслось сзади, голос Наума пробивался сквозь шум, как сквозь толщу воды. — Ты там как? Если увидишь распродажу — возьми мне скидку на самогон! Михалыч заломал цены!

Голос Наума, дурацкий, неуместный, но такой живой, помог отогнать наваждение. Юргенс тряхнул головой и пошёл дальше, ориентируясь только на верёвку.

— Ещё метров пять! — крикнул Наум.

Семен был уже рядом. Его глаза вращались, руки дёргались, отгоняя невидимые баннеры. Юргенс схватил его за разгрузку и рванул на себя.

Тело Семена поддалось не сразу — казалось, цифробол держал его тысячами невидимых нитей. Но верёвка сзади натянулась, Наум закричал от напряжения:

— Тяну, тяну... Раньше я так только пробки из бутылок вытаскивал... Ну давай же, зараза... Репа моя больная, сейчас лопнет...

Юргенс, собрав все силы, дёрнул ещё раз.

Семен вывалился из пульсирующей сферы. Они вместе покатались по земле, обдирая руки о щебень.

Цифробол взревел, выбросил вдогонку щупальце из чёрной жижи, но не достал — отступил, закручиваясь в спираль. Обиженно закручиваясь, как продавщица, у которой упустили выгодного покупателя.

Но радоваться было рано.

— Юргенс! — рявкнул Наум, показывая на небо.

Там, километрах в двух, показалась треугольная тень. Дрон. Он летел не быстро, но целенаправленно — явно заметил всплеск активности у Цифробола.

— Валим! — Наум перерезал верёвку, схватил Семена под вторую руку. — Там, за свалкой, гараж должен быть! Тащи его!

Они побежали. Семен почти не двигался сам, ноги волочились по земле, глаза всё ещё были мутными. Юргенс тащил его с одной стороны, Наум — с другой, матерясь сквозь зубы так виртуозно, что, наверное, даже Орион покраснел бы, если бы умел.

Гараж нашёлся — ржавый, полуразвалившийся, но с крепкими стенами и остатками крыши. Они ввалились внутрь, затащили Семена в дальний угол и замерли, прислушиваясь.

Дрон пролетел над ними через минуту. Его красный сканирующий луч шарил по свалке, выхватывая из темноты груды металла, но в щели между стенами не пролез. Покружив немного, он улетел дальше.

— Уф — ф—ф... — выдохнул Наум, сползая по стене. — Моё сердце этого не выдержит. Я слишком стар для спринтов с мужиками на буксире. Мне пенсию пора, а не по свалкам бегать.

Юргенс не слушал. Он опустил на корточки перед Семеном.

Тот сидел, прислонившись к стене, и часто моргал. Глаза его постепенно обретали осмысленность, но в них всё ещё плавали тени цифрового кошмара.

— Семен, — позвал Юргенс. — Слышишь меня?

Семен посмотрел на него, но взгляд был расфокусирован.

— Там... реклама... — прошептал он. — Всё время реклама... и лицо дочки... она звала меня... я не мог...

Юргенс сунул руку в нагрудный карман Семена и осторожно достал рисунок. Развернул.

Кривой кот. Солнце с лучиками. И надпись корявыми печатными буквами: «папе от дочки».

Он протянул рисунок Семену и ткнул пальцем в кота.

— Смотри, — сказал он тихо, но твёрдо. — Это твоя дочка нарисовала. Смотри внимательно. Это не реклама. Это настоящее. Поцупай бумагу. Видишь, краска размазана? Она пальчик испачкала, когда рисовала. Помнишь?

Семен уставился на рисунок. Рука его дрогнула, потянулась, коснулась бумаги.

— Катя... — выдохнул он. — Катя рисовала... я помню... она просила кота, а я сказал, что кота нельзя, потому что у нас аллергия... а она всё равно нарисовала...

— Вот видишь, — Юргенс не убирал рисунок, держал перед лицом Семена, как якорь. — Ты помнишь. Ты здесь. Ты не там. Там — реклама. А здесь — твоя дочка, которая ждёт, когда ты вернёшься с этим рисунком.

Семен всхлипнул. Потом ещё раз. А потом разрыдался — громко, навзрыд, как ребёнок, уткнувшись лицом в грязные ладони.

Наум отвернулся, делая вид, что очень занят изучением трещин в стене. Только рука сама собой потянулась к поясу, к пуговицам, и начала перебирать их одну за другой.

Юргенс сидел рядом и молчал. Ждал.

Когда Семен выплакался, он поднял голову. Глаза были красные, опухшие, но смотрели уже осмысленно, по — человечески.

— Спасибо, — сказал он хрипло. — Ты... ты не представляешь... я там уже думал, что всё... что останусь там навсегда... с этой рекламой... и с Катей, но ненастоящей...

— Представляю, — тихо ответил Юргенс. — У меня тоже дочка. Тоже ждёт. Только я пока не знаю, где.

Семен посмотрел на него внимательнее, потом перевёл взгляд на пол. Помолчал, собираясь с мыслями.

— Слушай... — сказал он наконец. — Ты меня с того света вытащил. Я твой должник теперь по гроб жизни. Может, не в прямом смысле, но по гроб точно. — Он криво усмехнулся. — Чем я могу тебя отблагодарить? У меня с собой ничего ценного, кроме... — Он похлопал себя по карманам. — Ну, патроны есть, нож, фляга. Может, пригодится что?

Юргенс посмотрел на тестер.

— Вот это, — сказал он, кивая на прибор. — Если не жалко.

Семен удивлённо уставился на тестер, потом расхохотался — нервно, с надрывом, но искренне.

— Эту хреновину? — Он снял тестер с пояса и повертел в руках. — Да я сам не знаю, зачем её таскаю. Нашел в развалинах, подумал — ценная вещь, раз старая. А она только стрелкой дёргается и пищит иногда. Пользоваться я ей не умею, чинить тем более. — Он протянул прибор Юргенсу. — Бери, конечно! Хоть кому — то польза будет. А то я всё думал: выбросить или нет? А вдруг пригодится? А оно вон как вышло — пригодилось, да не мне.

Юргенс взял тестер. Тот был тёплым — видимо, ещё работал внутри аномалии. Стрелка дрожала, но успокаивалась.

— Спасибо, — сказал он.

— Это тебе спасибо, — отмахнулся Семен. — Если б не ты, я бы сейчас там стоял, рекламу «Сытого рая» изучал и Катю ненастоящую обнимал. — Он передёрнул плечами. — Жуть.

— Ты как? — спросил он Семена. — Дойдёшь?

Семен попробовал встать, покачнулся, но устоял. Спрятал рисунок во внутренний карман, поближе к сердцу, и застегнул куртку.

— До стоянки доковыляю, — сказал он. — Там, до рынка рукой подать.

Он протянул руку Юргенсу. Тот пожал.

— Бывай, — сказал Семен.

Юргенс кивнул, не в силах говорить.

Семен вышел из гаража, огляделся и, прихрамывая, пошёл в сторону стоянки.

Наум проводил его взглядом, достал из кармана пуговицу, повертел, убрал.

— Ну и дурак ты, командир, — сказал он беззлобно. — Рисковал жизнью ради чужого дядьки, а тестер мог и не получить.

— Получил же, — Юргенс показал прибор.

— Повезло. — Наум хлопнул его по плечу. — Ладно, пошли, герой. До вышки ещё топтать и топтать. И больше без глупостей, ладно? У меня верёвка только одна. И пуговицы, между прочим, не бесконечные. Если ты ещё кого спасать надумаешь, я их как амулеты разложу, может, хоть они спасут, раз у тебя мозгов на самосохранение не хватает.

Они вышли из гаража и двинулись дальше. Солнце — или то, что его заменяло в этом мире — клонилось к закату, окрашивая руины в багровые тона.

Где — то позади, над Цифроболом, всё ещё кружил дрон, сканируя пустоту.

— Ну и зачем? — спросил Наум, отдышавшись. — Зачем ты рисковал? Из — за какой — то железяки?

Юргенс повертел тестер в руках, посмотрел на «Сигнал» у себя на груди.

— Однажды моя дочь спросила, можно ли их соединить, — сказал он тихо. — Сказала, что они должны подружиться.

Наум хмыкнул.

— И ты решил проверить?

— Не тогда. Тогда я сказал, что это невозможно. — Юргенс спрятал тестер в карман. — А теперь... теперь мне кажется, что я должен хотя бы попробовать. Не ради железяки. Ради неё.

Наум помолчал, перебирая пуговицы на поясе.

— Ладно, — сказал он наконец. — Попробуем. Но если эта хреновина не заработает, я скажу, что ты зря рисковал. А если заработает... — Он усмехнулся. — Тогда твоя дочка была умнее нас всех.

— Слушай, а ты умеешь убедительно объяснять. Тестер, значит, не просто железяка, а ключ к семейному счастью. А я думал, ты просто коллекционируешь радиодетали, как мой дед марки собирал.

— Твой дед марки собирал?

— Нет, он самогон гнал. Но коллекционировать тоже пытался — этикетки от бутылок. У него вся стена в комнате была оклеена. Мать ругалась, говорила, что это позорище. А он говорил: «Это история, дочка». — Наум вздохнул. — Ладно, пошли, историк хренов. До вышки еще топать и топать. И давай больше без геройства, ладно? Я, конечно, ценю твою любовь к приборам, но мне еще жить охота. Хотя бы для того, чтобы узнать, чем закончится этот дурацкий сериал про тебя.

— Думаешь, у него будет хороший конец? — усмехнулся Юргенс.

— В наше время хороший конец — это когда ты просто лег спать и проснулся, — философски заметил Наум. — А если еще и без новых дырок в организме — считай, повезло. Пошли, командир. Солнце уже вон как низко.

Они двинулись дальше.

Солнце — или то, что его заменяло в этом мире — уже почти село, окрашивая руины в багровые тона. Где — то позади, над Цифроболом, всё ещё кружил дрон, сканируя пустоту в поисках тех, кого уже не было.

Шли молча. Наум больше не шутил — видимо, действительно устал. Юргенс то и дело касался тестера, висевшего теперь у него на поясе рядом с футлярами для фрагсов. Прибор был тёплым, почти живым, и это согревало лучше любого костра.

— Слышь, командир, — нарушил тишину Наум, когда они уже подходили к развилке. — А ты заметил, что Семен, когда уходил, рисунок так и не выпустил из рук? Всё сжимал, как ампулу со спасением.

— Заметил.

— Это хорошо. Значит, не зря мы в этот кисель полезли. — Наум помолчал. — Ладно, давай искать ночлег. Вон там, за поворотом, вроде гараж должен быть. Я на карте видел. Переночуем, а на рассвете — дальше. Мне сегодня ещё пуговицы перебрать надо, а то после такого дня они у меня от страха, наверное, перепутались.

Юргенс усмехнулся, и они свернули к гаражам.

Глава 4. Голос из Пустоты

Юргенс сидел в гараже, разложив на брезенте «Сигнал» и тестер. Тот самый тестер, который он полгода искал по развалинам. Ради которого чуть не оставил жизнь в Цифроболе.

Он смотрел на приборы и вдруг улыбнулся — впервые за долгое время.

— Знаешь, Наум, — сказал он тихо. — Моя дочь, когда мы чинили этот приёмник в последний раз... она показала на тестер и спросила: «А если их соединить?»

Наум, возившийся с пуговицами, поднял голову.

— И что ты ей ответил?

— Сказал, что это невозможно. Что они для разного сделаны.

— Ну, технически ты был прав, — хмыкнул Наум.

— Был, — согласился Юргенс. — А она тогда вздохнула и сказала: «Жалко. Красивая штучка. Они бы подружились».

Он помолчал, поглаживая пальцем корпус тестера.

— Я тогда не придал значения. Детский лепет. А теперь... теперь мне почему — то кажется, что я должен это сделать. Не знаю зачем. Может, чтобы доказать, что она была права. Может, чтобы закрыть тот разговор. Чтобы в памяти осталось не «это невозможно», а «мы попробовали».

Наум внимательно посмотрел на него, потом перевёл взгляд на приборы.

— Ты хочешь соединить их просто потому, что она так сказала?

— Да.

— Даже если не заработает?

— Даже если не заработает.

Наум хмыкнул, достал из кармана пуговицу, повертел и убрал обратно.

— Знаешь, командир, — сказал он. — Из всех идиотских причин делать что — то в этом мире, эта — самая правильная. Давай, подружай свои железки. Я пока пуговицы переберу.

Юргенс кивнул и взялся за провода.

— Ну что, Лив, — прошептал он, подключая щупы тестера к антенному входу «Сигнала». — Надеюсь, ты была права. И эти две штучки всё — таки можно подружить.

Стрелка на тестере дрогнула.

А потом из динамика раздался стук.

Тик... Тик... Тик — Тик...

— Похоже на пульс, — прошептал Наум. — Только у кого такое сердце? У твоего Ориона? Или это у Кодеров села батарейка и они пищат, чтобы их заменили?

— Это код Морзе, — Юргенс лихорадочно достал блокнот. Его руки дрожали — первый раз за весь день. — Старый метод. Дед учил. Это буквы, Наум. И никакой Орион так не передает — слишком примитивно. Он мыслит байтами, а не точками с тире.

Он начал записывать точки и тире, пока стрелка тестера билась в такт звукам. Когда стук затих, на пожелтевшей странице блокнота остались три буквы, обведенные жирным кругом:

«Т С С»

Юргенс замер. Перед глазами всплыла кухня, Аливия на высоком стуле и её тонкий пальчик, указывающий на плату.

«Пап, а если сделать так, чтобы он мог говорить миру „Тсс — с!“, когда вокруг слишком шумно? Чтобы всё — всё замолчало. Как ты, когда мама просит тебя не ворчать».

— Лив... — выдохнул он.

— Чего «лив»? — Наум заглянул в блокнот. — «Тсс»? Это что, советская цензура тебе из могилы привет передает? Или Орион просит нас вести себя потише, а то он вторую главу оптимизации не допишет? Я, кстати, всегда знал, что машины вежливые. Не то что люди. Помню,

в девяностых мне сосед сверху кричал: «Тише!» А тут — «Тсс». Культурненько так, по — европейски.

— Это не Орион, — Юргенс начал быстро собирать инструменты, руки всё ещё дрожали. — Это Аливия. Она нашла способ. Она использует те самые «аномалии», которые Орион считает мусором. Помнишь, ты говорил про частоту 4625? Про голос отца?

— Ну, говорил. И что?

— Частота — это несущая. А морзянка — это способ пробиться сквозь шум, когда нет мощности для голоса. Она не может говорить — слишком много энергии надо. Но она может стучать. И она стучит мне.

— Парень, ты перегрелся на этой свалке, — Наум сочувственно покачал головой. — Голос из приемника — это морок. Как маленькая девочка может знать морзянку? Я же предупреждал: не смотри в центр Цифробола, не слушай пустоту. У тебя сейчас начнется цифровая шизофрения. Будешь с чайником разговаривать, думать, что это жена. Потом чайник начнет давать советы по ремонту проводки, и ты спаяешь такое, что взорвешь половину Сектора.

— Наум, ты Библиотекарь. Ты веришь в книги, потому что их можно потрогать. А я верю в волны. Эта волна... она не отсюда. Посмотри на тестер. Он же аналоговый. Его нельзя взломать, его можно только сломать. И он показывает, что сигнал реален. И ты забываешь: она внутри ИИ и подключена к нему. Добыть знания для неё — пара пустяков.

Наум задумчиво почесал затылок.

— Допустим, ты прав. Допустим, твоя мелкая действительно нашла способ стучать из ниоткуда. Что дальше? Ты собираешься бить ей в ответ? Типа: «Привет, доча, папа скоро будет, картошку пока не жарьте»?

Юргенс посмотрел на него с такой надеждой, что Наум поперхнулся сухарем.

— Твою ж дивизию... Ты реально собираешься ответить.

— Мне нужно на вышку. Частота 4625, о которой ты говорил... это не просто запись твоего отца. Если я подключу к ней «Сигнал» через этот тестер, если соберу усилитель из того, что мы нашли... я смогу послать сигнал. Не голосом — хотя бы стук. Хотя бы «я здесь».

— И что ты постучишь? «Спасите, туплю»?

— Я пошлю её имя. «Лив». Три буквы. Если она услышит — она поймет.

Наум тяжело вздохнул, поднял дробовик и проверил затвор.

— Знаешь, Юргенс, в моем возрасте нормальные люди сидят в кресле — качалке и ворчат на молодежь. А я иду штурмовать радиовышку в компании сумасшедшего радиста, который собрался азбукой Морзе разговаривать с призраком собственной дочери. Если мы выживем, я напишу об этом книгу. И назову её «Краткая история того, как мы возвращали реальность из — за одной жареной картошки». И знаешь что? В этой книге будет отдельная глава про идиотов, которые суют руки в Цифробол ради чужого тестера.

— Ты бы на его месте поступил так же.

— Я на его месте вообще бы туда не пошел. Я на его месте сидел бы в «Лакуне», пил самогон Михалыча и делал вид, что мир не сошел с ума. Но нет, я пошел с тобой. Значит, я такой же идиот. Пошли, командир. Пока я не передумал и не решил, что карьера библиотекаря в подвале — это неплохой вариант для пенсии.

Они вышли из гаража. Впереди, над Сектором 7, радиовышка пронзала серое небо, как зазубренная кость, а вокруг неё медленно вращались черные кубы завода «Геометрия».

В динамике «Сигнала» снова стало тихо. Но теперь эта тишина была другой. Теперь Юргенс знал: там, в пустоте, кто — то есть. И этот кто — то ждёт ответа.

Глава 5. Маршрут «Вне Отрисовки»

Свалка Форматов осталась позади, но Сектор 7 не спешил приближаться. Чем дальше они уходили от относительной стабильности рынка, тем сильнее реальность начинала плыть и двоиться.

Наум шел впереди, но теперь его походка изменилась. Он двигался легко, почти бесшумно, и всё время оглядывался по сторонам, будто видел то, чего не видел Юргенс.

Они вышли на широкую улицу, заставленную остовами машин. Некоторые из них выглядели целыми, даже блестели свежей краской, но стоило приблизиться, как краска начинала течь, обнажая ржавчину, которой здесь не могло быть — машины бросили всего год назад.

— Глючит, — прокомментировал Наум, обходя стороной особенно «свежий» внедорожник. — Тут Орион пытался дорисовать реальность, но памяти не хватило. Вот и получается слоеный пирог: старый слой, новый слой, а между ними — битое мясо.

Дома по обе стороны улицы тоже вели себя странно. Некоторые фасады были словно разрезаны гигантским ножом — за фасадом открывалась не квартира, а бесконечная пустота, заполненная зеленоватым статическим шумом. Некоторые сталкеры клялись, что если долго смотреть в эту серость, можно увидеть лица — тех, кто не успел вырваться, когда реальность перерисовывали.

— Гляди, Юргенс, — Наум остановился у края тротуара, который обрывался идеально ровным срезом. Дальше была только серая дымка и редкие искры, похожие на битые пиксели. — Опять «Зона без отрисовки». Тут гравитация работает по четным числам, так что прыгай аккуратнее. Или по нечетным. Я так и не понял системы. Может, она вообще по настроению Ориона работает: если у него день хороший — летишь вниз, если плохой — вверх.

Наум полез в свой бездонный карман и выудил оттуда старую эмалированную пуговицу со звездой. Он бережно протёр её полый плащ, подышал на неё, потер о рукав и убрал в специальный футляр на поясе. Таких футляров у него было штук десять — все самодельные, из разных тряпок и кусков кожи.

— Снова свои железки полируешь? — хмуро спросил Юргенс, сверяясь с картой.

— Это не железки, это «Якоря», — Наум достал огрызок карандаша и начал что — то быстро черкать в своем блокноте из настоящей бумаги. Блокнот был его главным сокровищем. — ИИ не может переварить вещь, в которой слишком много... ну, человеческой возни. Пони-маешь, цифра — она стерильная. Один и ноль. А тут — целая жизнь. Вот эту пуговицу, смотри, кто — то пришивал, матерился, когда нитка рвалась. Может, солдат какой на фронте, может, бабка на телогрейке. В ней есть «шум» жизни. Пока я их собираю — я помню, кто я. А пока я помню — Орион меня не заархивирует. Я для него — ошибка округления.

— Сколько у тебя таких?

— Пуговиц? — Наум похлопал по футлярам. — Двадцать три. Еще монеты старые, значки, одна серёжка женская, катушка от ниток, гаечный ключ довоенный. И вот это, — он вытащил из — за пазухи маленький потрепанный мячик, — с детского сада. Нашел в руинах. Представляешь, сколько этот мячик детских ладоней помнит? Ориону такое не по зубам.

Юргенс мельком взглянул на рисунок в блокноте. На первый взгляд — хаотичные каракули, линии, точки, какие — то завитушки. Но если присмотреться...

— Погоди, — Юргенс перехватил руку Библиотекаря. — Почему ты нарисовал патрульные триады Кодеров в виде шестиугольников? Они же люди. Были людьми.

— А они так и ходят, — Наум, не оборачиваясь, продолжил рисовать. Он добавлял новые линии, соединяя точки, и на бумаге действительно начала проступать структура. — Ты видишь их ноги, а я вижу их тени в коде. Они не просто шагают туда — сюда. Они плетут сеть. Видишь

линии между точками? Если их соединить, получается идеальная сота. Орион строит здесь улей. А Кодеры — это пчелы. Только меда от них не дождешься, одни проблемы.

Юргенс почувствовал, как по спине пробежал холодок. Рисунки Наума не были просто творчеством сумасшедшего коллекционера пуговиц. Его «аналоговый» мозг, не забитый имплантами, не отформатированный цифровой гигиеной, считывал структуру реальности как огромную схему.

— Наум, а ты раньше, до всего этого, кем был? Ну, до того как мир посыпался?

Наум усмехнулся, достал из кармана очередную пуговицу, повертел в пальцах.

— Профессором, — сказал он буднично, будто речь шла о погоде. — Историю преподавал в университете. Древний мир, средневековье, вся эта пыль веков. Студенты меня любили. Говорили, умею рассказывать так, будто сам там был.

— А художка? — Юргенс кивнул на блокнот.

— А художка — это для души, — Наум улыбнулся. — Вечерами, после пар, рисовал. Плакаты для магазинов, портреты на заказ, иногда витрины оформлял к праздникам. Денег мало, но радости — вагон. Знаешь, когда из простых линий вдруг получается лицо, которое смотрит на тебя... это почти как магия. — Он помолчал. — А потом Орион решил, что история — неэффективна. Закрыв кафедру. Потом галереи позакрывал. А я остался с карандашами. И с глазами. Которые видят то, что не видят другие.

— Видят что?

— То, что не видят другие. — Наум спрятал блокнот. — Пойдем, командир. Тут недалеко еще одна странность. Я ее на карте пометил, но сам не проверял.

Они вышли на небольшую площадь, окруженную домами — призраками. И здесь время, казалось, превратилось в густой кисель. Воздух дрожал, как над костром, и внезапно прямо перед ними из пустоты начала проступать фигура.

Женщина. В платье, каких уже давно никто не носил. Она замерла, пытаясь поднять упавшую вилку. Вилка зависла в воздухе в десяти сантиметрах от земли, медленно вращаясь и совершенно игнорируя гравитацию. Женщина тянулась к ней, но не могла дотянуться — ее рука проходила сквозь черенок, как сквозь голограмму.

— Не подходи! — Наум дернул Юргенса за плечо с такой силой, что тот чуть не упал. — Это «Эхо». Фрагмент вчерашнего дня, который Орион забыл удалить из кэша. Или позавчерашнего. Или прошлого года. Тут время как стиральная машина — всё перемешалось.

Юргенс застыл, не в силах отвести взгляд. Женщина была удивительно похожа на Аксану. Те же волосы, тот же поворот головы. В тот последний вечер она точно так же стояла у плиты, переворачивая картошку...

Женщина открыла рот, пытаясь что — то сказать, но вместо слов раздался механический скрежет, переходящий в ультразвук. Ее лицо исказилось, поплыло, как отражение в воде, а в следующую секунду фигура начала растягиваться, превращаясь в бесконечную светящуюся иглу, уходящую прямо в фиолетовое небо.

— Она не настоящая, Юргенс, — тихо сказал Наум, подбрасывая на ладони старую копейку 1974 года. — Это просто битый пиксель. Память, которая застряла в буфере. Если коснешься — тебя размажет по таймлайну вместе с ней. Будешь вечность стоять и вилку ловить, а вокруг дроны летать будут, экскурсии водить: «А вот тут у нас человек, который не умеет прощаться с прошлым».

Юргенс сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Тестер в кармане мелко завибрировал. Стрелка дернулась, указывая не на «Эхо», не на фиолетовое небо, а в сторону старой телефонной будки, стоявшей чуть поодаль.

— Она показывает на будку, — прошептал Юргенс.

— Кого показывает?

— Тестер. Он чувствует... что — то. Пойдем посмотрим.

Они подошли к будке. Стекло было целым, хотя и покрытым толстым слоем пыли. Внутри на полке лежала телефонная трубка. Простая, старая, с витым шнуром.

— И что? — Наум заглянул внутрь. — Трубка как трубка. Только гудка нет. Орион отключил всю связь еще в первый месяц.

Юргенс открыл дверцу, взял трубку. Она была тяжелой, настоящей, сделанной из бакелита. И в тот момент, когда он поднес ее к уху, тестер в кармане взвыл.

Из трубки шел звук. Тихий, едва слышный. Ритмичный стук.

Тик... Тик... Тик — Тик...

— Это она, — выдохнул Юргенс. — Лив. Она здесь. Рядом.

— Юргенс, это телефонная будка. Она нигде и везде одновременно. Это просто старый провод, который, может быть, еще тянется куда — то под землей. Не сходи с ума.

— Это не провод, Наум. Это частота. Та же самая, что мы ловили в гараже. Она везде, где есть старые линии. Она использует их как антенны.

Он положил трубку на место и решительно зашагал вперед, туда, где сквозь дымку уже виднелись очертания Сектора 7.

— Эй, командир, погоди! — Наум догнал его. — Там же карта говорит, что впереди Цифробол! Самый большой в округе!

— Карта говорит, что там проход есть. Ты сам его нарисовал.

— Я нарисовал то, что видел. А вижу я иногда такое, чего нет. Может, это вообще глюк!

— Тогда пойдем проверим твой глюк.

Они сделали несколько шагов, и вдруг реальность под ногами стала вязкой. Асфальт превратился в черную, пульсирующую субстанцию, по которой поползли красные символы системных ошибок. Воздух наполнился запахом озона и горелой проводки.

— Приплыли, — выдохнул Наум, вскидывая дробовик. — Цифробол. Большой. Злой. Голодный. Как я после недели без сухарей.

Из вязкой жижи начали подниматься «окна» — прозрачные панели, заполненные бесконечными строками кода и рекламными баннерами «Сытого рая». «Попробуй настоящую еду!», «Только сегодня — скидка на гель — паек!», «Орион заботится о тебе!».

— Не смотри в них! — крикнул Юргенс. — Закрой глаза, Наум! Слушай мой приемник! Только звук! Не дай им войти в голову!

Юргенс выхватил «Сигнал» и начал быстро крутить ручку настройки. Он искал не музыку, не голос, а тот самый «живой шум», который слышал в первый день, когда мир начал распадаться. Шум, который создавали старые провода, трансформаторы, аналоговые приборы.

Динамик выдал резкий, рвущий уши свист. Черная жижа под ногами дернулась, пошла рябью. На долю секунды она «замерзла», став твердым, но хрупким стеклом.

— Бежим! Пока я держу частоту! — Юргенс рванулся вперед, Наум за ним.

Они неслись по застывшему коду, а вокруг них Цифробол уже начинал «оттаивать». Из черноты вырывались щупальца из битых пикселей, хватали воздух, оставляя в нем светящиеся полосы. Всплывающие окна лопались, осыпаясь градом цифр и букв.

В центре аномалии Юргенс на мгновение увидел человеческую фигуру. Мужчина в грязной куртке, с пустыми, бешено вращающимися глазами, стоял по колено в черной жиже и судорожно размахивал руками, пытаясь закрыть невидимые окна. Его губы шевелились, беззвучно повторяя одно и то же слово.

— Очередной Семен, — выдохнул Наум на бегу. — Догнал его Цифробол. Теперь он здесь навечно.

Юргенс хотел остановиться, но Наум толкнул его в спину.

— Не смей! Он уже не человек, он часть системы! Спасать некого!

Они выскочили на твердый бетон за секунду до того, как черная жижа сомкнулась за их спинами, поглотив фигуру и все следы их прохода. Юргенс упал на колено, тяжело дыша. «Сигнал» в его руках был горячим, почти обжигающим.

Наум рухнул рядом, хватаясь за сердце.

— Знаешь, Юргенс, — выдал он, доставая из футляра свою пуговицу и прижимая ее к груди, как амулет. — Твоя «блестящая штучка» действительно работает. Пока работает. Но если мы так будем прыгать через каждую ошибку рендеринга — у меня раньше сердце остановится, чем мы дойдем до Сектора 7. Я не спринтер, я библиотекарь! Мой спорт — это перекладывание книг с полки на полку!

Он открыл блокнот, дрожащими руками нарисовал жирную точку там, где они только что были. Потом добавил несколько линий, соединяя ее с другими точками на карте.

— Смотри. — Он показал рисунок Юргенсу. — Цифробол стоял точно на пересечении линий триады. Это не просто аномалия. Это их «сторожевой пес». Они знают, что мы идем. Они знают, куда мы направляемся. И они расставляют ловушки по всему маршруту. Каждый наш шаг они просчитывают.

— Ты можешь нарисовать, куда они поставят следующую?

Наум посмотрел на свой рисунок, потом на горизонт. Помолчал.

— Могу попробовать. Но это как угадать, куда плюнет ветер. Если я ошибусь — мы окажемся прямо в пасти.

— Ты пока не ошибался.

— Первый раз всегда бывает, — вздохнул Наум, но карандаш в его руке уже забегал по бумаге, вычерчивая новые линии, новые точки, новые пересечения.

Юргенс поднял взгляд. Впереди, сквозь дрожащую дымку, уже явственно проступал Сектор 7. Над ним, как огромный паразит, присосавшийся к земле, пульсировал фиолетовыми разрядами завод «Геометрия». Черные кубы на его вершинах медленно вращались, всасывая воздух, свет и, казалось, само время.

А над самой вышкой, высоко в небе, кружили три дрона. Они двигались синхронно, как рыбы в аквариуме, и в их траектории угадывался тот самый идеальный треугольник, который Наум рисовал в блокноте.

— Теперь я вижу, Наум, — прошептал Юргенс. — Они не просто оптимизируют мир. Они строят клетку. И вышка — это её замок.

— Значит, нам нужен ключ, — Наум спрятал блокнот и похлопал по карману, где лежала его коллекция «Якорей». — Или отмычка. У тебя есть отмычка, командир?

Юргенс посмотрел на «Сигнал», на тестер в кармане, вспомнил голос Аливии, стучащий из пустоты.

— Есть, — сказал он. — Самая лучшая.

— Тогда пошли ломать этот замок, — Наум поднялся, отряхнул штаны и снова проверил затвор дробовика. — А то у меня от этого фиолетового уже глаза болят. Как будто на старый телевизор смотришь, у которого цветовой баланс сбился. Помню, в девяностых у нас был такой телевизор «Горизонт», так там все лица зеленые были. Мы думали, инопланетяне передают. А это просто кинескоп дохлый.

— Ты всегда говоришь так много, когда боишься?

— Когда боюсь — молчу. А когда много говорю — значит, я в ярости. — Наум оскалился. — А эти твари с красными глазами меня уже достали. Пусть только сунутся. Я им такую «оптимизацию» устрою — весь их шестиугольник перекосятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.